

логичнее было бы расположить вышеуказанные составы в рамках одной главы «Преступления в сфере экономической деятельности».

Во-вторых, немаловажной является проблема подсчета ущерба. В целях применения ч. 4, 5 ст. 191 УК РФ крупный размер составляет 2 млн. 250 тыс., а для ч. 3 ст. 255 УК РФ – 1 млн. рублей. Не совсем понятно, почему такая большая разница, что, на наш взгляд несправедливо, поскольку мы охраняем один объект, как мы выяснили ранее. Считаем, что необходимо привести все к единому знаменателю – 1 млн. рублей в целях применения ч. 4, 5 ст. 191 УК РФ и ч. 3 ст. 255 УК РФ. Вместе с тем рассматриваемые квалифицированные составы почти не применимы, поскольку законодателем определены лишь суммы, но не разработаны методики подсчета, которые, как правило, утверждаются отдельным Постановлением Правительства РФ. Полагаем, что в основу проекта такого Постановления можно положить стандарт по классификации и требованиям к качественным, весовым и размерным характеристикам янтаря, разработанный Калининградским янтарным комбинатом (СТО от 30.09.2022). Для разработки оценочной стоимости привлечь специалистов в области янтарного производства и продажи. Наличие такого документа позволит выработать единые критерии, формирующие правоприменительную практику.

Исходя из вышеизложенного, проведенный нами анализ уголовно-правовых норм в сфере янтарной отрасли позволяет говорить о несовершенстве юридической техники, чем вызвана необходимость внесения дополнительных изменений в ст. 191 и ст. 255 УК РФ. Предложенные нами меры направлены на решение выявленных проблем.

Кукреш А. Г.

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОСРЕДНИЧЕСТВА ВО ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ

Кукреш Александра Геннадьевна, студентка 4 курса Белорусского государственного университета, г. Минск, Беларусь, kukresh.01@mail.ru

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Шидловский А. В.

Понятие «посредничество во взяточничестве» было закреплено еще в советском уголовном законодательстве. Как самостоятельное преступление оно регламентировалось по УК РСФСР 1922 г., УК РСФСР 1926 г., УК БССР 1928 г. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1977 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве», заменившем одноименное постановление от 31 июля 1962 г., посредничество толковалось более узко: посредником считалось лицо, которое, действуя по поручению взяткодателя или взяткополучателя, непосредственно передавало предмет взятки. Стоит отметить, что данное определение уже не охватывало различные виды интеллектуального посредничества, которые в соответствии с данным постановлением рассматривались как соучастие во взяточничестве.

Аналогичное разъяснение было закреплено в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 30 марта 1990 г. «О судебной практике по делам о взяточничестве». Следует отметить, что в данном постановлении возникла

проблема соотношения посредничества и соучастия во взяточничестве, так как в ходе квалификации соучастие во взяточничестве фактически поглощало посредничество. В постановлении было указано, что «лицо, которое организует дачу или получение взятки, подстрекает к этому либо является пособником дачи или получения взятки и одновременно выполняет посреднические функции, несет ответственность за соучастие в даче или получении взятки».

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) самостоятельная уголовно-правовая норма об ответственности за посредничество во взяточничестве была закреплена в первоначальной редакции от 9 июля 1999 г. в ст. 432, которая устанавливает ответственность за непосредственную передачу взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя. Следует отметить, что объективная сторона ст. 432 УК представлена только физическим посредничеством. Физическое посредничество заключается в непосредственной передаче лицом взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя.

В юридической науке до сих пор возникают споры о целесообразности криминализации посредничества во взяточничестве. Составы преступлений дачи и получения взятки и посредничества неразрывно связаны, при дословном толковании диспозиций ст. 430, 431 и 432 УК возникает правовая неопределенность, которая заключается в том, что по сути одинаковые по характеру действия являются признаками объективной стороны разных составов преступления. Таким образом, при физическом посредничестве деяние лица, передающего взятку, по признакам состава соответствует преступлению, предусмотренному ст. 431 УК, и можно полагать, что в соответствии с диспозицией ст. 431 УК лицо фактически является соисполнителем преступления. Однако мы считаем данное суждение не совсем аргументированным, потому как основным признаком, позволяющим отличить посредников от соисполнителей взятки, выступает их заинтересованность в согласии взяткополучателя или взяткодателя.

На наш взгляд, целесообразно было бы дополнить ст. 432 УК интеллектуальным посредничеством, аналогично норме ст. 291.1 УК РФ.

Интеллектуальное посредничество отличается от физического большим количеством способов совершения преступления. Способы можно дифференцировать на две группы: направленные на достижение самого соглашения и направленные на реализацию достигнутого ранее соглашения между взяткодателем и взяткополучателем.

При интеллектуальном посредничестве для осуществления соглашения посредничество заключается в выполнении принятых или принимаемых на себя обязательств по передаче-получению взятки, однако не ограничивается лишь физическим участием. Способами совершения такого вида посредничества могут являться предоставление помещения, автомобиля для передачи взятки, обеспечение личной встречи взяткодателя и получателя, открытие банковского счета на имя получателя взятки, совершение иных финансовых операций по обеспечению наличия предмета взятки и передачи

его другому лицу. Таким образом, деятельность посредника в данном случае нацелена на обеспечение своими действиями нормального «уверенного» процесса передачи предмета взятки.

Предлагаем изложить ч. 1 ст. 432 УК в следующей редакции: «Непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателя и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки (посредничество во взяточничестве)».

Кухарчик В. В.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ПРЕДМЕТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (ПО УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

*Кухарчик Валерия Валерьевна, студентка 2 курса Белорусского
государственного университета, г. Минск, Беларусь,
valerialuce42@gmail.com*

Научный руководитель: канд. юрид. наук, доцент Пухов А. А.

Определение термина «историко-культурные ценности» закреплено в ст. 1 Закона Республики Беларусь от 09.01.2006 г. № 98 «Аб ахове гісторыка-культурнай спадчыны Рэспублікі Беларусь» (далее – Закон). Под ними понимаются «материальные объекты (материальные историко-культурные ценности) и нематериальные проявления творчества человечества (нематериальные историко-культурные ценности), которые обладают отличительными духовными, художественными или документальными качествами и которым присвоен статус историко-культурной ценности».

Однако до принятия данного закона охраняемые Уголовным кодексом Республики Беларусь (далее – УК) предметы культурного достояния именовались по-разному: «историко-культурные ценности», «памятники истории и культуры». Надо отметить, что российский законодатель до сих пор не разрешил эту проблему. Не отличается единством понятийного аппарата и международное право.

Уникальность таких предметов обусловила выделение законодателем наиболее опасных деяний в отдельные составы преступлений. В связи с этим следует рассмотреть основные виды и признаки историко-культурных ценностей с точки зрения уголовно-правовой квалификации.

Вопрос о критериях соответствия предмета статусу культурной ценности в юридической науке является дискуссионным. Г. А. Русанов предложил основные и дополнительные критерии. Основными следует считать историческое, художественное или научное значение предмета для мирового сообщества, конкретного государства, административной единицы. Дополнительными критериями являются результат творческой деятельности человека и временной критерий (должны быть созданы более чем 50 (100) лет назад). В российской науке предлагается закрепить, что историко-культурные ценности – предметы, имеющие высокую рыночную стоимость.